

Актриса
**Александра
Захарова:**

Отечественные
гурманы скоро будут
питаться
с Птичьего рынка

Капитан Клосс
постепенно вживается
в роль пенсионера

Все советские люди прошли
сквозь ситечко
Элочки Людоедки

Может показаться, что Захарова обласкана судьбой, папа — известный режиссер, мама — в прошлом актриса, иди прямой дорогой в театр и пожинай плоды успеха, обеспеченного фамилией. Но все наоборот! Не раз и не два молодой актрисе всерьез мешало, что ее отец — главный режиссер “Ленкома”, прославленный кинорежиссер. Ей необходимо было доказать, что она сама чего-нибудь да стоит. Проявив невиданное упорство и силу воли, она своей преданностью профессии, актерским фанатизмом, затянувшимся на долгие годы

**“Я просто
не знала
других
профессий”**

ученичеством доказала верность слов, которые произносит ее героиня в “Чайке”: “Я — актриса”.

— Скажите, Саша, были у вас колебания — идти в актрисы или податься, скажем, в юристы?

— Нет, я просто не знала других профессий.

— И в телефильмах, и на сцене “Ленкома” вы обычно работаете с режиссером Марком Захаровым. Чего больше от семейного альянса: плюсов или минусов?

— Одни плюсы, минусов нет. Но в театре я работала не только с Захаровым, я начинала с Глебом Панфиловым, которому, надо сказать, очень благодарна: взять на роль Офелии ничего еще не сыгравшую артистку. Не каждый бы решился на такое. Я считаю, что на сегодняшний день Офелия — самая удачная моя роль.

Продолжение на стр. 13

Новые регулярные
рейсы

Москва

В воздухе как дома
на Боингах 737 и 757

Екатеринбург

Одесса

Владивосток

Информация по бронированию и продаже: (095) 578-05-37, 38, 39, 80, 81

TRANSAERO
AIRLINES

Взрослая дочь знаменитого режиссера

Имя актрисы Александры Захаровой, особенно после премьеры чеховской “Чайки”, где она сыграла Нину Заречную, у всех на слуху. Но мало кто помнит, что одиннадцать лет назад, окончив Щукинское училище, она пришла в “Ленком” и первой ее ролью было не что-нибудь проходное, а Офелия в панфиловском “Гамлете”.

Сотцом я всегда испытывала какой-то зажим. Наверное, хотелось казаться лучше, чем я есть. А ему, по видимому, тоже хотелось увидеть нечто более совершенное, чем то, что я тогда собой представляла.

— Мне кажется, в спектаклях Марка Анатольевича вы больше вписаны в рамки определенного амплуа. Краски вашего сценического и экранного образа — имею в виду и вашу работу в телефильмах “Дом, который построил Свифт”, “Формула любви”, “Дракон” — менее определены и резки. У Захарова в отличие от Панфилова совсем другой подход к материалу, “декоративно-прикладной”, что ли. Вы всегда играете у него девочку, наивных простушек, которым истина открывается как бы сама, в тот счастливый момент, когда душа пребывает в блаженном состоянии восприимчивой пассивности.

— Дело в том, что я, видимо, виновата сама. Наверное, актер все-таки должен пройти школу ученичества, массовки, хождения за кулисами, ношения там, в темноте, табуреток и всякого другого. То есть должен пройти через что-то профессионально совсем незначительное.

— Думаю, это вовсе не панацея. — А я думаю, да. Понимаете, мне слишком хотелось угодить, понравиться, сделать как можно лучше. Я не давала себе внутренней свободы, воли, не была наглой, я слишком старалась...

— По-моему, вы вообще не наглая. — Да нет, я в другом смысле. Я не про жизнь, я про сцену. Сейчас многие играют с неприкрыто хамскими интонациями. Это ужасно, омерзительно. Наверное, веяние времени.

— Скорее, общее бескультурье. Допускаю, что можно крикнуть громко, но если ты используешь уж совсем грубые интонации, от которых вздрагиваешь, — это предел. Этого сейчас так много и в кино, и в театре, во многих театрах, не только в нашем, но в особенности в кино. И с этим, мне кажется, я никогда не смирюсь. А что касается внутренней свободы, ее у меня с Марком Анатольевичем действительно никогда не было. Считаю, что и в “Драконе” я плохо играла. Лишь в “Формуле любви” временами что-то начинало проклеиваться. И то сегодня я все сделала бы иначе.

— Хорошо, что вы так самокритичны. — Да уж во всяком случае у Марка Анатольевича было желание “показать товар лицом”, но, повторяю, ложное старание меня подвело. Ну а теперь с возрастом и пришедшей на смену робости наглостью я вообще решила, что хватит кому бы то ни было что-то доказывать.

— Значит, повезло Инне Михайловне Чуриковой, что она сразу попала в руки такого режиссера-наставника, как Глеб Панфилов?

— Понимаете, она настолько актриса, у нее такая актерски подвижная нервная система, что для нее не существует никаких примитивных женских амбиций! Она — актриса!.. Как бы плохо или хорошо она к партнеру ни относилась, она обязательно выскажет тебе свое отношение к твоей работе. И такие же объективные и прекрасные партнеры Олег Янковский и Александр Збруев, и Саша Абдулов...

— Работая в театре “звезд”, вы тожевольно или невольно проходите через “звездную” школу?

— Да, конечно. Я вообще считаю, что какую актеру планку поставить, такую он и возьмет. Если ее будет ставить Феллини, это одно, а если какой-нибудь совсем незначительный — другое. Очень легко достичь потолка от этого незначительного, но потом обязательно пойдешь вниз...

— В “Поминальной молитве” вы играли вместе с Евгением Леоновым... Как вам видилось это партнерство?

— Ну, это было совсем уж незабываемое... Ты выходишь на сцену, а он все время разный. Есть какие-то “застолбленные” сцены, “застолбленные” интонации... А он все время другой. И очень добрый. И ты должна реагировать на него, менять свои реплики, сама меняться... Он обладал — не хочется произносить эти заезженные слова: “биополе”, “энергетика” — таким мощным обаянием, что на сцене оно буквально тебя захватывало, подпитывало.

— Вы это к тому, что спектакли Марка Анатольевича очень жестко выстроены, не хватает воздуха?

— Они действительно выстроены жестко, но в них все равно есть коридор, по которому ты должна ходить туда-сюда, иначе — штамп. Даже когда мы играем “Женитьбу Фигаро”, спектакль, который зрители очень хорошо принимают, бывает всякое. Порой зритель смеется, хохочет, а потом как бы захлопывает нас, говоря: “Все, хватит, надоели, перекормили!” Значит, так уж вывернулись, что стали неинтересными.

А бывает наоборот, тишина, и начинаешь нервничать: да принимают ли спектакль.

Самая лучшая реакция, когда зритель лишь

чуть-чуть улыбается, и ты понимаешь — это — успех.

— Вам не бывает на сцене скучно? К примеру, придется папин юмор или рамки его спектаклей? Мне кажется, у вас другая психика, вам неблизко все это.

— Не согласна. Скучно на сцене или нет, надоело или нет, все зависит от актера, от его индивидуальности. Чем ты глубже и проще внешне, тем лучше. Другое дело, когда мы играем фарс, буффонаду, когда развлекаемся... К своему организму тоже нужно бережно относиться. И щадить себя по возможности. Каждый бегун рассчитывает силы на определенную дистанцию. Один бежит 100-метровку, другой — 500-метровку, а третий — всю жизнь.

— А как вам дается “Чайка”?

— О, очень трудно! Перед генеральным прогоном я сказала Диме Певцову, играющему Треплева, что сегодня придет мой самый “объективный” зритель — моя мама. Он очень смеялся. Да, родители ко мне необъективны, я им нравлюсь. Над Чеховым мне очень легко и хорошо работалось с Марком Анатольевичем, мне кажется, я стала его лучше понимать.

— А вы не боитесь этой роли?

— Очень боюсь, потому что Нину Заречную просто не сыграл еще никто. Только у Комиссаржевской она стала триумфом... Роль невероятно сложная, играло ее множество актрис, одни лучше, другие хуже. Боюсь говорить, мой ли это материал, я очень суеверна. Но что бы из этого ни вышло, работа над Чеховым — большой подарок судьбы. Чехов оказался таким многослойным... Многие думают, что он одна “говорящая”, но это вовсе не так. Знаете, как порой в жизни бывает, люди вроде бы обсуждают какие-то никчемные вещи, а за этим бушуют такие страсти, что сам удивляешься.

— Долго вы репетировали?

— Месяц, от силы полтора. Как и “Женитьбу Фигаро”. То есть разговоры шли давно, потом собрали компанию, потом она распалась, потом сложился сегодняшний состав... Потому я и считаю, что Марк Анатольевич — режиссер великий... Он потрясающе выстраивает мужские роли и гораздо хуже женские.

— Он кричит на вас на сцене, на репетициях?

— Иногда да. Я помню, мы репетировали “Женитьбу Фигаро” в Ленинграде, и после перерыва один забыл текст, второй забыл, и вдруг он закричал: “Почему, Александра Марковна, вы текст не помните?!” И все, я сразу перестаю соображать от стыда, от ужаса. Сейчас я поняла, что надо не доверять ему стопроцентно, то есть доверять, конечно, но еще и себя подключать, а в какой-то момент может даже “дистанцироваться” и думать, думать самой...

— Скажите, Саша, когда вы остаетесь дома одна, чем вы заняты?

— Все равно думаю о театре, о своих ролях. Я засыпаю, а у меня “прокручивается”: “Люди, львы, орлы и куропатки...”

— У чеховских актеров и должна быть чувствительная психика...

— Просто в жизни я плакса. Вот у меня родители поехали в Германию лечиться, и я заплакала, как шестилетний ребенок.

— Значит, вы до сих пор чувствуете себя незащищенной девочкой?

— Ой, как это вы все так формулируете?! Да я себя никак не ощущаю, живу себе и живу...

— Как это может себя “никак” не ощущать человек, играющий Нину Заречную?

— Ох, совладать бы еще с нею... Сколько в каждом театральном институте играют финаль-

ную сцену Нины и Треплева! Но почему к этому никогда не подключаешься? Да потому, что у Нины вся жизнь проходит за кулисами. Вот, например, Аркадина. До чего выигрышная роль! Ведь Чехов для жены писал, старался очень”. У нее все здесь, на сцене. На сцене от нее требуют денег, на сцене ревность, на сцене она выясняет отношения с Тригориным. А Нина на сцене как бы только отчитывается о прошедшем, лишь рассказывает о событиях своей жизни.

В этом у нее невероятное сходство с Офелией. Про Заречную

говорят, спорят, хорошая она артистка или нет, стала ли вообще актрисой. А мне кажется, это не главное.

— Для вас главное в Нине любовь?

— Нет, главное — то, что нужно нести свой крест...

— Чувствуете ли вы себя на сцене равной партнершей Чуриковой или Янковского?

— Что вы! Никогда в жизни не позволю себе так думать. В театре не место демократии. Талант — штучная и очень аристократическая вещь.

— Сознание того, что Чурикова — великая актриса, создает ли вам на сцене дополнительные неудобства?

— Нет, с ней легко, она прекрасный партнер. Так же, как Збруев, Янковский, Абдулов.

— Вы хотите сказать, что в вашем театре нет ни склок, ни дрызг, что вам здесь замечательно работается?

— С теми, кого я назвала, — да.

— А какое место занимает театр в вашей жизни? 99 процентов?

— Нет, сто!

Любовь ПАЙКОВА
Фото Владимира ПЕРСИЯНОВА

